

*Поляруш Дарья Николаевна, старший преподаватель Гуманитарного института североведения Югорский государственный университет, Россия, г. Ханты-Мансийск*

## **ИСПЫТАНИЕ СМЕХОМ: ФУНКЦИЯ МОТИВА ОСМЕЯНИЯ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

**Аннотация:** статья рассматривает место испытания смехом и осмеянием в ряду моральных и идейных испытаний, необходимых героям Ф.М. Достоевского для нравственного перерождения. На примере романов Пятикнижия прослеживается тенденция композиционно соединять испытание смехом с моментами принятия ключевых решений, определяющих возможность или невозможность нравственного перерождения. Делается вывод о сюжетообразующей функции испытания смехом. Анализ приведённых эпизодов показывает необходимость преодоления боязни смеха через смирение для истинного покаяния и нравственного перерождения персонажей Достоевского.

**Ключевые слова:** роман, Достоевский, мотив осмеяния, испытание героя, Пятикнижие, смеховая культура.

**Abstract:** The article examines the place of the notion trial by laughter and ridicule among the moral and ideological trials necessary for Dostoevsky's characters for moral rebirth. Noticed in "Great Pentateuch" - prominent novels by F. M. Dostoevsky, the author speaks about a tendency to compositionally combine the trial of laughter with the moments of making key decisions that determine the possibility or impossibility of moral rebirth. The author makes a conclusion about the plot-forming function of the trial by laughter. An analysis of the episodes shows the need to overcome the fear of laughter through humility for true repentance and moral rebirth of Dostoevsky's characters.

**Keywords:** novel, Dostoevsky, motive of ridicule, test of the hero, Great Pentateuch, laughter culture.

Одним из ключей к пониманию романной проблематики Достоевского стало утверждение из романа «Идиот» - «красотой мир спасется». О характере красоты, которую имел ввиду в данном контексте Достоевский, в современном литературоведении написано достаточное количество работ, помогающих приблизиться к пониманию этого смыслового комплекса в мире Достоевского. При этом стоит помнить, что в том мире, который воссоздан в романе «Идиот» (и не только в этом романе) красота была подвергнута осмеянию. Носители этой красоты за нее же терпят осмеяние – князь Мышкин мыслится в начале романа идиотом, Алеша Карамазов – юродивым. Слова Достоевского «он прекрасен единственно потому, что в то же время смешон» [3, с. 626], сказаны о самом смешном и самом любимом его герое - Дон Кихоте. Но они могут быть отнесены и к чудакам самого Достоевского, в мире которого образ смешного человека неотделим от истинной красоты. Это происходит оттого, что смех, который навлекают на себя чудаки Достоевского со стороны окружающих, не вызывает у них ни обиды, ни отчуждения, ни разъединяет, а соединяет их с людьми, возбуждая общее сострадание «к осмеянной и не знающей себе цены красоте».

Но смешной идиот в мире Достоевского – это герой прямо противоположный «смешному умнику». Слово «умник» в данном контексте дано в том смысле, в каком его употребил Раскольников в признании Соне, что он пошёл на преступление «не как дурак, а как умный» [6, с. 397]. Именно такие герои рассмотрены в данной статье, именно их Достоевский проводит через испытание смехом. Своеобразным эпитафием к ней можно считать слова Подростка: «Смех – верная проба души» [4, с. 484].

С этой точки зрения «смеховая стихия» в мире Достоевского исследована ещё недостаточно, хотя подходы к этой проблеме уже определены самым глубоким исследователем Достоевского – М.М. Бахтиным. Именно он указал, как известно, на амбивалентную природу смеха у Достоевского, на родственную

близость этого смеха карнавальской традиции с её весёлой относительностью и взаимопереходностью отрицания - утверждения начал и концов жизни и смерти [1; 7, с. 148-154].

При этом контекст рассмотрения проблемы смеха и осмеяния у Достоевского стоит вынести за рамки западноевропейского и рассматривать в том числе в контексте традиций древнерусской литературы. Именно через понимание общих мест и формульности фольклорной и средневековой литературной традиции русского народа можно прийти к раскрытию феномена смеха в романах Достоевского. Стоит обратить внимание на те произведения древнерусской литературы, в которых появляется образ насмешливого и глумливого беса, подвергающего героя разным соблазнам и испытаниям [2, с. 106-109].

Идея испытания как мощная, композиционно организующая романский сюжет у Достоевского, несомненно, восходит к житийной традиции. В данной статье ставится задача определить, какое место среди большого испытания «живой жизнью» занимает испытание смехом.

Если смешные чудачки Достоевского охотно, или во всяком случае с готовностью направляют смех на самих себя, не уклоняясь от смеха и не отвергая его, то такие герои, как Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов и несколько в меньшей степени Раскольников предпочитают смеяться над другими. При этом их смех сопровождается эпитетами «изломанный», «искривлённый», «злой». «Кривая усмешка» - один из их постоянных мимических жестов. Одно лишь предположение о возможности смеха, направленного на них самих, для них нестерпимо. И это указывает на глубокий внутренний надлом и кризис. Композиционно мимические ситуации последовательно прикрепляются к кризисным моментам испытания героев, когда они принимают великие решения, когда наступает для них время решающего выбора, ибо смысл всякого испытания - это проблема выбора. В качестве наиболее ярких примеров таких кризисных ситуаций можно привести появление злобного и насмешливого существа в галлюцинациях Ставрогина после кризисного сна о Матрёше, или его

собственный хохот, когда он бросает ассигнации в руки убийцы Федьки Каторжного; смех Версилова после его бессмысленного, оскорбительного, безумного письма Ахмаковой; кошмар Ивана Карамазова, в котором ему является наглый глумливый чёрт после того, как Иван принял действительно великие решения явиться в суд. Та же смеховая ситуация сопровождает и путь Раскольникова в контору для признания в своём преступлении.

Перечисленные примеры дают основания считать, что в сюжетно-фабульной динамике испытания героя организованы так, что центр её, а точнее и вершина, всегда является испытание смехом.

Почему же именно смех является тем самым пробным камнем, о который спотыкаются главные герои Достоевского на пути к духовному подвигу? С боязнью смеха (осмеяния) в мире Достоевского ближайшим образом совмещается мотив преодолеваемой и не преодоленной гордыни. Не случайно с точки зрения христианской этики гордость – это самый тяжкий из грехов. Не случайно и то, что у героев, неуязвимых для смеха, нет гордости. Таков герой романа «Идиот» Мышкин, Макар Долгорукий из романа «Подросток» и Алёша Карамазов из «Братьев Карамазовых». «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» - сказано ап. Петром.

Также важно то, как художественно реализуется это главное типологическое качество (гордость) героев – идеологов в мире Достоевского. Оно становится важнейшим движущим мотивом, определяющим их сюжетное поведение, когда превращается в волю к тайне, в отказ от всякого самораскрытия перед другими, даже любящими их людьми (Соней, Мышкиным, Подростком, Алёшей).

Особо следует отметить, какого рода тайны оказываются сюжетообразующими в таком случае. Недостаточно сказать, что это тайны, скрывающие тяжкий грех преступления или причастность к нему. Это ещё всегда грех, к которому примешивается что-либо позорное и унижительное, не входившее в расчёты мечтательных героев-умников. «Некрасивый грех», разоблачение которого может повлечь за собой позорное развенчание и

осмеяние. Таков, например, Родион Раскольников в момент преступления - жалкий и потерянный, весь во власти ужаса и отвращения. Вот такое стояние, как у Раскольникова, его панический страх в момент убийства и ограбления старухи - это всё составляет тайный, жгучий стыд гордых героев Достоевского. Этому как будто противоречит следующее признание Ставрогина: «Всякое чрезвычайное позорное преступление, без меры унижительное, и главное смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, возбуждало во мне рядом с безмерным гневом, невероятное наслаждение» [5, с. 14]. Обратим внимание – «наслаждение, а не стыд». Но это противоречие мнимое, здесь позор – это ещё один способ самовозвеличения. И как этому противостоит тот «наипозорнейший крест», на котором между двумя разбойниками был распят Спаситель, со смирением (а не с мстительной радостью) принявший на себя «заушения и заплевания» тех, кто сопровождал его на Голгофу.

Таким крестом или бременем, выражаясь его собственным словом, для Ставрогина, как и для других гордецов Достоевского, могла бы стать покаянная исповедь. Исповедь противостоит в романах Достоевского тайне. Потребность в покаянной исповеди – это и есть потребность в кресте. Она выражает готовность горделивых героев Достоевского перенести крестную муку позорного осмеяния, т.е. готовность умереть, очиститься, подняться над собой, чтобы возродиться обновленным.

Вспомним изречение из Евангелия от Иоанна, взятое в качестве эпитафии к «Братьям Карамазовым» о зерне, которое принесёт много плода, если умрёт. Нечто подобное должно произойти и с гордецами Достоевского, жаждущими подвергнуть себя испытанию очищающим огнём смеха, совершив подвиг смирения, восстановив свою связь с «другими». Ибо гордость в романах Достоевского это, кроме всего прочего, ещё и сильнейший разъединяющий фактор.

В большей степени, чем другим героям, выдержать это испытание удаётся Раскольникову. Его путь в контору через Сенную площадь назван повествователем «скорбным путём», тоже по-своему путь на Голгофу. Второй

евангельский план этого эпизода просвечивает и том, что свидетелем этого крестного пути Раскольникова к покаянию является Соня, как бы исполняющая здесь роль Магдалины, которая сопровождала, как известно, Христа на Голгофу. Роль глумливой, смеющейся толпы исполняет здесь простонародный люд, среди которого выделен парень с его насмешливой репликой «Ишь нахлестался... Раздаётся смех. – Это он в Иерусалим идёт, братцы, с детьми, с родными прощается, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобзает», - прибавил какой-то пьяненький из мещан.

Упоминание Иерусалима, где был осмеян и распят Христос и, где он через три дня воскрес, окончательно высвечивает второй евангельский план этой кульминационной точки испытания Раскольникова.

Если Раскольников нашёл в себе силы «не убояться стыда и смеха» и за то Достоевский открывает ему перспективу возрождения и преображения в новой жизни, то Ставрогин, в котором распад личности зашёл необратимо далеко, оказался бессилён перед этим испытанием. Не стыдясь признаваться в своих преступлениях, он стыдится своего покаяния. Потребность в кресте в человеке, не верующем в крест, надорвала его окончательно. Он оказался не способным умереть метафизически в очищающем горним осмеянии и, значит, возродиться, его смерть бесплодна и пуста, как и всякое самоубийство в мире Достоевского.

Сильную потребность в покаянной исповеди испытывают Версилов и Иван Карамазов. Но они так и остаются в непреодоленном кризисе, и возможность их возрождения проблематична. Отказ от полного исповедального самораскрытия из-за страха осмеяния не даёт им возможность до конца преодолеть то, что разъединяет их с другими.

Итак, испытание смехом восходит к древней традиции древнерусской литературы и является одним из самых тяжелых испытаний, часто определяющих возможность или невозможность духовного воскрешения и перерождения персонажа. Направление, в котором организуется сюжетная динамика романов Достоевского, можно было бы обозначить таким образом: от разъединяющих героев тайн к объединяющим их исповедям. Так могло бы быть,

если бы герои, исповедующие своё покаяние, выдержали испытание смехом, которым их с жестокой последовательностью подвергает Достоевский.

И всё же при всей неполноте этих исповедей, в них есть свой, условно говоря, катарсис. Не дав своим героям познать очищающую силу смеха, Достоевский даёт им возможность испытать, хоть на мгновение «сладость божественного света». Он дарит им то, что на языке древних христианских писаний называется «благодатными слезами». Святые отцы славили «слёзы покаяния и сокрушения», «слёзы спасительные», «очищающие мрак ума». Они поднимаются из тех глубин грехов Достоевского, где прибывает «человек в человеке». Они проступают на глазах Раскольникова в минуту его всенародного покаяния, их впервые узнают Версилов и Ставрогин, проснувшись после сна о Золотом веке с глазами омоченными слезами, и с ощущением «счастья, пронзившего сердце до боли». Подчеркну, что воспоминания об этом включены в исповеди героев, и что единственный в них момент подлинного духовного просветления, который вскоре, однако, вновь затемняется «мраком непреодолимой гордыни».

#### **Библиографический список:**

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4 изд. М.: Сов. Россия, 1979.
2. Головки Т.И. К проблеме смеха в народной художественной культуре // Мир науки, культуры, образования. 2009. №1(13). С. 106-109.
3. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 6.
4. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. Т. 8.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 11. Бесы. Глава «У Тихона»: Рукописные ред. / текст подгот. И. А. Битюгова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.

6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 5.

7. Кунильский А.Е. Смех Достоевского: прав ли Бахтин? // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2007. №4. С. 148-154.